

«Родина смотрела на меня»

**1 декабря – 115 лет со дня рождения
советского писателя, поэта и журналиста,
военного корреспондента**

Джека Моисеевича Алтаузена

(1.12.1907 – 27.05.1942 гг.)

«Мальчик со спичками»

В старой газете найдено одно из первых стихотворений Джека Алтаузена

Автор: Юлия ПЕРЕЛОМОВА

Когда-то в 1960-е годы в Иркутске была улица Джека Алтаузена, ныне – 6-я Советская. Это решение имело странные последствия. Через несколько лет улице вдруг вернули старое название. До сих пор неизвестно, почему. К его товарищам по Иркутскому литературно-художественному объединению память города более благосклонна. Чтят и Иосифа Уткина, и Молчанова-Сибирского. А Алтаузен же остался вот таким, как были его герои-дети. Безусловный талант, но без бронзы. «Пробежал чёрный, запачканный, выкрикивая по привычке: «Коробками и пачками» – продаю китайские спички. Шапку волос, взъерошенных целует мокрый ветер. Он такой крошечный – его нельзя не заметить...». Это одно из неизвестных стихотворений Алтаузена, встретившееся нам в старой газете. Оно датировано 1923 годом и было, вероятно, одним из первых напечатанных.

Когда я задаю себе вопрос: «Что я знаю о Джеке Алтаузене?», мозг вежливо и устало предлагает: поэт комсомольской плеяды, фронтовик. Где-то погиб, кажется... И вот эта глухая стена, которая отделяет тебя от понимания того времени, тех людей, ощущается как непреодолимая. Мы не знаем многого о судьбе Алтаузена, и очень не хочется, чтобы он ушёл на полку «комсомольско-фронтные поэты» и доставался оттуда только по праздникам или «в связи», когда надо упомянуть о каком-то иркутском литераторе.

«Она называлась 6-й Советской. Сейчас её переименовали в честь талантливого советского поэта Джека Алтаузена...», – писала «Восточка» в октябре 1967 года. Вероятно, всплеск интереса к фигуре Алтаузена возник на фоне того, что иркутянам надо было как-то отметить 60-летие поэта. Официально считается, что он родился в 1907 году на бодайбинском прииске. Но в сохранившихся военных его документах часто встречается цифра 1905. Это только одна из загадок, которые окружают поэта.

Интерес к личности Алтаузена в городе был, поскольку в 1965 году журналист Евгений Раппопорт опубликовал в «Восточке» статью с новыми, ранее неизвестными подробностями о судьбе записей поэта. Раппопорт рассказывал, что ему удалось встретиться в Иркутске с сестрой и племянником Алтаузена, и у них на стенке обнаружил фотографию, которая оказалась скреплённой с грампластинкой. На пластинке нашлась запись голоса Алтаузена – он выступал в 1934 году на Красной площади, приветствуя «челюскинцев». Раппорт в 60-е побывал в Москве у вдовы поэта Клавдии Алтаузен и от неё узнал, что пластинки записала она (в 1959 году плёнка с записью ненадолго попала в её руки при разборе архивов Всесоюзного радио). Позже одна из пластинок была отправлена родным в Иркутск.

Вот в таких обстоятельствах в 60-е 6-я Советская на краткое время стала улицей Джека Алтаузена. Что случилось позже, история умалчивает. Но почему-то улица Иосифа Уткина у нас есть до сих пор, а улица Джека Алтаузена просуществовала совсем недолго. Уже в 90-е годы в «Восточке» была напечатана статья, в которой племянник Алтаузена Борис Алтаузен рассказывал, что обращался к властям с вопросом, почему улица потеряла имя его дяди, но внятного ответа так и не получил.

Впрочем, это событие укладывается во всю логику жизни поэта. Судьба Алтаузена – сама по себе большой детектив с таинственными лакунами, с недоговорённостями, как и подобает настоящему поэту. В его семье было 3 брата и одна сестра, отец в какой-то момент остался один с детьми, и тогда в 11-летнем возрасте Якова забрала к себе тётка, жившая в Китае. Как вспоминала сестра, Яков занимался тем, что продавал газеты, а потом сбежал назад, в советскую Россию. Имя «Джек» получил, служа на корабле. И это имя осталось с ним до конца жизни. Добравшись до Читы, Джек познакомился с Иосифом Уткиным, и уже в Иркутске вступил в ИЛХО, работая на лесосплаве и кожевенном производстве.

Нам удалось найти неизвестное стихотворение Алтаузена, напечатанное в 1923 году во «Власти Труда». Вероятно, это одна из первых его публикаций. Известно, что в 1922 году Алтаузен печатался в «Сибирских огнях» со стихотворением «Песня» о судьбе юной татарки. Во «Власти Труда» в 1923 году оказалось стихотворение «Мальчик со спичками». Короткое стихотворение Алтаузена отсылает, вероятно, к тому, что пережил он сам, когда торговал на улицах. «Пробежал чёрный, запачканный, выкрикивая по привычке: «Коробками и пачками» – продаю китайские спички. Шапку волос, взъерошенных целует мокрый ветер. Он такой крошечный – его нельзя не заметить...». История заканчивается трагически: лошадь сбивает беспризорника, и тот умирает. Этот мотив разбитого, сломанного детства проявится в Великую Отечественную войну, когда у Алтаузена родится стихотворение о разрушенном фашистами доме, где страшным пятном выделяется портрет неизвестного белокурого ребёнка. Собственных детей Джек Алтаузен так и не успел завести, однако образ маленького брошенного ребёнка будет появляться в его стихах очень часто. В журнале «Красные зори» в 1923-м году была напечатана его поэма «Маленький босяк», где появляется образ «доброй дамы», на которую смотрит в щель окна беспризорник. Видимо, это было связано с его личной трагедией, когда мать ушла из семьи.

Тогда же, в год публикации вот этого стихотворения, Алтаузен покидает Иркутск, чтобы продолжить учёбу в Москве, в Литературно-художественном институте; знакомится там, в частности, с Валерием Брюсовым. С этого момента вплоть до гибели в 1942 году он будет работать в Москве. Однако в Иркутске он ещё будет отмечен. В статье поэта Михаила Скуратова о творческом пути Ивана Молчанова-Сибирского упоминается один эпизод,

хорошо характеризующий Алтаузена. Статья Скуратова была опубликована в журнале «Будущая Сибирь» в 1934 году, как раз только прогремела антиесенинская кампания. Скуратов указывал, что иркутское поэтическое объединение из-за разрухи долгое время было оторвано от новых литературных течений запада России. К примеру, имя Сергея Есенина в Иркутске в 20-х знали слабо. Оно «докатилось до нас по-настоящему только в 1924 г., когда уже распалось основное ядро ИЛХО, и то лишь потому, что бывший член ИЛХО – Джек Алтаузен, уже живший в Москве, приехал на каникулы убеждённым есенинцем и на каждом перекрестке с покачиванием головы («по-есенински») распевал стихи знаменитого поэта», – писал Скуратов. Вспомним «Песню» Алтаузена 1922 года, напечатанную в «Сибирских огнях». В этом стихотворении явно видно влияние Есенина, и можно предположить, что с его творчеством Алтаузен был знаком ещё до отъезда в Москву.

В начале 30-х в иркутских газетах было опубликовано ещё одно стихотворение Алтаузена, которое показывает, что стилистически он выбивался из тематики поэтов «комсомольской плеяды». «Женщина с огромною причёскою, должен я признаться, что, по сути ты мне тоже нравилась чертовски в детстве на фарфоровой посуде. В блюдечке за небольшую плату – ты бежишь к реке на деревяшках, расплзлись по твоему халату золотые пчелки и букашки...». Стихотворение никак не озаглавлено, стоит лишь помета «Из лирической тетради...». Образ разбитой чашки, раздавленной штыком революции – это образ сломанной молодости и даже детства. Позже в стихах Алтаузена эта тоска по разрушенному миру будет всегда неотрывно связана с каким-то нервным восторгом от обретения нового миропорядка.

В 1934 году Алтаузен давно работал в Москве, но в «Восточке» всё ещё появлялись шаржи на него

«Джек стал стрелять из винтовки по самолёту»

Известно, что Джек Алтаузен погиб 25 мая 1942 года, будучи батальонным комиссаром, писателем редакции газеты «Боевая красноармейская» Юго-Западного фронта. На фронт он, согласно официальным документам о призыве, ушёл на следующий день после объявления войны. Вплоть до 1945 года его не исключали из рядов РККА, возможно, это было связано с тем, что судьба его не была известна точно. «Прошу исключить из списков Красной Армии батальонного комиссара Алтаузена Джека Моисеевича, занимавшего должность писателя газеты «Боевая красноармейская» Юго-Западного фронта 1905 г.р. уроженца гор. Иркутска, в РККА с 23 июня 1941 года», – эта справка по политуправлению РККА датирована 3 декабря 1945 года. И только 29 декабря 1945 года Алтаузен был исключён из списков РККА. Характерно, что по приказу Главного управления кадров народного комиссариата обороны СССР поэт был исключён по спискам Московского горвоенкомата как «пропавший без вести». Много лет спустя стало известно, что он покоится в селе Надеждовка Харьковской области в братской могиле. В списках братской могилы Алтаузену указали 1907 год рождения, там нет отчества поэта. Хотя в многих фронтовых бумагах указано, что родился он в 1905 году. Откуда эти солдаты и офицеры были перезахоронены – неизвестно. Но теперь они навсегда в Надеждовке.

Однако до гибели в мае 1942 года Алтаузен успел многое. Буквально через несколько месяцев после начала войны, в ноябре 1941 года он был представлен к ордену Красной Звезды. В тот момент он был старшим политруком, писал в ту же газету «Боевая красноармейская» 6-й армии. «Работая в газете «Боевая красноармейская» с первых дней

Отечественной войны поэт Алтаузен приложил много усилий к тому, чтобы сделать газету содержательной, зовущей к борьбе и победам, – значится в наградном листе. – За 4 месяца поэт Алтаузен дал в газету более 60 стихотворений. Лично бывая на передовых позициях, тов. Алтаузен знакомится с передовыми бойцами и командирами и в доходчивой форме популяризирует их боевые подвиги. Так появились стихи «Лейтенант Найман», «Танкист Кузьма Кутенов». Поэт работал так, словно предчувствовал – времени очень мало, надо успеть отдать всё.

Поэт Евгений Долматовский вспоминал, как Алтаузен впервые был обстрелян на фронте – на третий день войны вместе с Александром Твардовским. Они выехали на фронт из Киева, попали под обстрел и бомбёжку, и если для Долматовского и Твардовского это было уже знакомо, то Алтаузен этому испытанию подвергся впервые. «Мы очень удивились, когда Джек, лёжа на земле, стал стрелять из винтовки по самолёту», – вспоминал Долматовский. Потом он с улыбкой сказал, что отстреливает свою «карельскую обойму» – Алтаузен пытался уйти на финскую войну, однако из-за проблем со здоровьем получил разрешение только к её концу. Как вспоминал Долматовский, Алтаузену чудом удалось вырваться из окружения, в которое попали 6-я и 12-я армии. Встретились они с Долматовским в Умани, в парке Софиевка. Из окружения Алтаузен прибыл в странном виде – в конце июля – начале августа его шинель была застегнута наглухо. Оказалось, редакция спешно спасалась из Монастырищ от внезапно ворвавшихся немецких танков, Алтаузен не успел надеть гимнастёрку, а под шинелью красовалась одна майка. Зато был спасён блокнот со стихами и статьями. Долматовский тогда одолжил Алтаузену свою гимнастёрку, из запасов. Джек оставался на месте, Долматовский уезжал. Как стало известно позже, Алтаузену ещё раз удалось вырваться из очередного окружения, и тогда они встретились с Долматовским в последний раз в Воронеже. Джек вернул долг зимней гимнастёркой и тогда сказал, что та, старая гимнастёрка, была с дырочкой. И, как оказалось, не зря – как раз под орден Красного Знамени, который он успел получить за несколько месяцев их расставания. Представляли Алтаузена, как мы помним, к Красной Звезде, но на его груди оказался более почётный орден. С чем это было связано? Просто Жека (как звали его солдаты) читали и переписывали, он был очень популярен среди тех, кто был на передовой, они верили его стихам. Кроме того, у него был незаурядный декламационный талант – он выступал со стихами прямо на передовой.

Прочитываем ещё раз наградной лист: особенно в нём отмечается стихотворение «Ненависть». «Вам ещё придётся, изуверы, в полный рост увидеть наш народ», говорится в этом, завоевавшем большую популярность в армии, стихотворении. С огромным интересом встречено бойцами и командирами стихотворение «Политбоец Порфирий Бабий».

«Поэт Алтаузен завоевал творчеством большую популярность среди бойцов и командиров, тов. Алтаузен показал себя преданным Родине, партии Ленина – Сталина. Он в любых условиях отлично выполняет все задания редакции и политотдела», – писал редактор газеты Рожков. Как пишут биографы, Алтаузен стал первым из фронтовых писателей, которому был вручён орден Красного Знамени. О том, что влияние Алтаузена в войсках было значительным, говорят и воспоминания. Алтаузен был удостоен разгромной публикации в известной оккупационной газете «Новый путь», издававшейся фашистами в Смоленске. Статья называлась «Один из шакалов». «Его имя — Джек Алтаузен. Многие литераторы не могли слышать о нём. А если судьба сталкивала их вместе с юрким, пузатеньким (несмотря на молодые годы) еврейчиком, любившим глядеться в зеркало, они, литераторы, не утратившие порядочности даже в советских условиях, с трудом подавляли безразличие, – писал автор «Нового пути», некий Иван Корсаков. – Этот бездарный ловкач

вынырнул в 1923 году семнадцатилетним кудлатым мальчиком из Иркутска. За короткое время он сделал блестящую карьеру... Своими безграмотными стихами он засорял многие журналы и газеты». Далее в статье Алтаузен предстаёт как ловкий спекулянт, рвач, получивший престижную квартиру в Москве, бабник и сотрудник НКВД. То, что «Новый путь» посвятил отдельный материал Алтаузену, свидетельствует, что его работа оценивалась фашистами как весьма опасная.

«К сожалению, они были слишком растеряны»

Михаил Розенфельд и Джек Алтаузен, судя по всему, погибли в одной машине

Последние дни Алтаузена известны только по воспоминаниям. При наступлении в районе Изюм, Барвенково, Лозовая он вместе с частью, где работал, собирая материал, попал в окружение. По словам очевидцев, ему предлагали улететь на самолёте У-2 вместе с другими журналистами, но он отказался, заявив, что должен разделить судьбу своей части. Считается, что Алтаузен погиб, раздавленный немецким танком. Но официально ничего не подтверждено. Известно, что они были вместе с Михаилом Розенфельдом, корреспондентом «Красной звезды».

О последних минутах жизни Розенфельда известно больше. В ОБД «Мемориал» выложен документ, который ранее был под грифом «Секретно». В нём рассказывается о пропавших без вести сотрудниках газеты «Красная звезда». В документе значится, что Розенфельд сам попросил направить его «в ту часть, где положение было наиболее тяжёлое». «Имея возможность выбраться из этой части ещё до того, как она попала в окружение, тов. Розенфельд ею не воспользовался», – гласит документ. Воспоминания о смерти Алтаузена очень похожи на то, что случилось с Розенфельдом. Похоже, литераторы по какой-то причине не захотели покинуть часть. Было ли это трагической ошибкой или сознательным решением – мы уже не узнаем. «Впоследствии машина, на которой он ехал (Розенфельд. – Авт.), подверглась сильному артиллерийскому обстрелу со стороны немцев, – рассказывается в документе. – Затем тов. Розенфельда видели тяжело раненым в голову, с револьвером в руках: он пробивался сквозь вражеское кольцо, но обессиленный упал и погиб». Судя по тому же документу, в машине был и фотокорреспондент Михаил Бернштейн, который и возглавлял небольшой отряд журналистов и писателей, пытавших на машине пробиться из окружения. Весьма вероятно, что Алтаузен находился в этой же машине.

Есть ещё одно свидетельство, датированное 1999 годом. Переводчик Наум Гребнев в статье, опубликованной в журнале «Вопросы литературы» 17 лет назад, писал: «В затишье накануне наступления к нам в часть приезжали два московских писателя, Джек Алтаузен и Михаил Розенфельд, побывали на батарее, беседовали с солдатами... Теперь, 27-го числа, я встретил их на этом поле, они попали в окружение вместе со всеми. Оба были растеряны и обратились к нам за советом. К сожалению, они были слишком растеряны, чтобы воспользоваться нашим советом. Мы трое были опытнее их, каждый из нас уже выходил из окружения в сорок первом. Мы сказали, что хотим днём дойти до восточной окраины, оттуда самый короткий путь к Донцу, показали всё по карте, но они не пошли с нами. Под вечер я встретил кого-то с нашей батареей, и он сказал: «Помнишь, приезжали писатели? Ты ещё их спрашивал о чём-то. Оба убиты. Только что. Когда танки пошли».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

- Повесть об отпуснике Артёме, кулаке Бурьянове и Вихревском кооперативе (в соавторстве с Александром Ясным и Борисом Ковыневым). М.: Новая Москва, 1925.
- Отпускник Артём (повесть в стихах, в соавторстве с Александром Ясным и Борисом Ковыневым). М.: Государственное военное издательство, 1925.
- Ленинский наказ: Повесть в стихах (с А. Ясным и Б. Ковыневым). М.—Л.: Московский рабочий, 1925.
- Отпускник красноармеец Артём (с А. Ясным и Б. Ковыневым). М.: Центросоюз, 1926.
- Повесть о капитане и китайчонке Лане (с Б. Ковыневым). М.: ЦК МОПР, 1926.
- Олеська: рассказ в стихах. М.: Госиздат, 1928. Повесть о негритёнке (с Б. Ковыневым). Рис. В. Бехтеева. М.—Л.: Госиздат, 1928.
- езуый энтузиаст (лирическая поэма). М.: Московский рабочий, 1929 (2-е издание — там же, 1930, 3-е издание — М.—Л.: ГИХЛ, 1931, 4-е издание — М.: Молодая гвардия, 1933). Ровесникам (стихи). Библиотечка «Смены». М.: Молодая гвардия, 1930.
- Стихотворения. М.: Акционерное издательство «Огонёк», 1930.
- Первое поколение (лирическая поэма). Библиотека журнала «Огонёк». М.: Журнально-газетное объединение, 1932; полное издание — М.: Молодая гвардия, 1933 (с рисунками Александра Дейнеки). Комсомольские поэмы. Рис. Т. Мавриной. М.: МТП, 1934.
- Ода молодости. М.: Молодая гвардия, 1935. Стихи для декламации. М.: Цедрам, 1936.
- Избранные стихи. М.: ГИХЛ, 1936.
- Политбоец Порфирий Бабий. Издательство газеты «Боевая красноармейская», 1941.
- Избранное (1928—1942). М.: Художественная литература, 1957.
- Стихотворения. М.: Художественная литература, 1959.
- Стихи. М.: Художественная литература, 1971. Судьбу приемля (стихи, письма, воспоминания). Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1990.

**Книги Джека Алтаузена вы можете найти в нашей библиотеке по адресу:
с. Мельница, ул. Ленина, 42
Ждем вас ежедневно с 10.00 до 18.00**

Источники:

<https://www.vsp.ru/2016/08/16/malchik-so-spichkami/>

<https://www.livelib.ru/author/395280-dzhek-yakov-altauzen>